

«ПЕЧАТЬ ЦАРЬСТВА КАЗАНЬСКАГО» НА БОЛЬШОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПЕЧАТИ ИВАНА ГРОЗНОГО

В последнее время в Казани обсуждался вопрос о гербе города.

Выявились различные взгляды на казанский герб XVII-XIX вв. с изображением крылатого змия. Одну точку зрения изложил доктор филологических наук Н.Г. Ханзафаров. По его мнению «образ дракона Казанскому ханству «подарен» с целью унижения», является «карикатурой на ислам» как на «источник зла», и на Казанское ханство как на «враждебное государство»¹. Студентка Д. Сулейманова полагала, что змий был ещё у волжских болгар и отрицательного значения не имел². 24 декабря 2004 г. Казанский горсовет принял символы города, в т.ч. герб и флаг с изображением «дракона», объяснённого в положительном смысле³.

Начало изучению казанского герба положил И.-Г. Георги, который, завершая изложение легенды об основании Казани по «Казанской истории» в своём описании путешествия по России в 1773-1774 гг., написал, что хан принял герб («Wapen») в память об избавлении его земли от змия⁴.

В 1880 г. П. Заринский отверг мысль о принятии герба во времена Казанского ханства, считая невозможным «вносить в герб отвратительное для магометан животное». Заринский назвал змия драконом Зилантом, о котором он узнал из сказаний об основании города, но первое появление эмблемы увидел на большой государственной печати Ивана Грозного. Символику «дракона» он истолковал по описанной А.Б. Лакиером западноевропейской геральдике как аллеорию зла, нечистой силы, невежества и язычества и отождествил казанского змия со змием из московского герба. Но в московском гербе всадник одолевает враждебную ему силу и положительным образом символизирует гербовладельца. Заринский же, механически используя некие трактовки фигуры, едва ли желая, наделил владельца казанского герба (власть) отрицательным качеством. Занятно читать ещё, что на печати Ивана IV дракон изображён «не в виде дракона, а в виде Пегаса с птичьими крыльями, с клювом грифа и высунутым жалом, хвоста у него нет»⁵. Как умудрился Заринский усмотреть в хвостом двуногое существо отнюдь не конского облика Пегаса - выше моего разумения.

Н.П. Загоскин в редактировавшемся им «Спутнике по Казани» (1895) тоже назвал змия Зилантом, но дал ему иное толкование - как символ торжества мусульманства над язычеством «абригенов края» - угрофиннов. Загоскин допускал татарское происхождение герба, но вопрос о времени его заведения назвал спорным и не склонился к какой-либо точке зрения (до или после присоединения Казани)⁶.

А.В. Арциховский нашёл, что казанским гербом «успешно занимались Заринский, Н.П. Загоскин, П.М. Дульский и др.». Упомянутый Дульский в книжке «Зилант и Кितिцы» (1917) толкует о сказаниях, но герба и печати не касается. Арциховский пересказал легенду об «огромном змее» из «Казанской истории» и ничего нового по сравнению с предшественниками не прибавил⁷.

В книге «Завещание и печать Ивана IV» западногерманский русист Г. Штёкль, явно не сильно разбираясь в драконах, змиях и т.п. фигурах, назвал казанскую фигуру коронованным грифом («Greif») из всё той же «Казанской истории»⁸.

На «Историю» ссылается и Н.А. Соболева, по мнению которой казанский змий «несомненно связан с татарской легендой об основании Казани, вошедшей в русское сочинение Казанский летописец». В змии она находит символ «конкретного врага - царя казанского», владения которого «были присоединены к Московскому государству»⁹.

А.Д. Хорошкевич трактует казанского змия на печати как показатель претензий Ивана IV «на такое же высокое положение, какое занимала английская королева, к союзу с которой он стремился»¹⁰. Её вывод основан на сведениях об изображении «дракона» в щитодержателях в гербах от Генриха VII до Елизаветы I. Не сказано, однако, с какой стати Ивану IV было претендовать на некое высокое положение английской королевы (где? - в Англии? в мире?) да ещё и символизировать претензию заимствованием неглавной фигуры; какими источниками сии притязания удостоверены - не сказано. Е.В. Пчелов назвал змия с печати «драконом - василиском», соединив фигурирующее в литературе именованное «дракон» с употреблённым в одном памятнике XVII в. определением «василиск»¹¹.

С XVIII в. собралась небольшая коллекция высказываний о казанском змие. Некоторые авторы не связывают этот образ прямо с большой печатью Ивана Грозного, но и их трактовки следует отнести к ней, поскольку более ранних явлений змия в русской государственной сфрагистике не обнаружено¹². Некоторые авторы именуют змия казанским гербом уже на печати Ивана IV. С XVIII в. змия с печати связывают с сюжетом «Казанской истории» об основании Казани, на месте, которым прежде владел змий, кстати сказать, добавим, вместе с обитавшими в гнезде «малыми» змеями.

Никто из писавших о казанской печати и гербе и ссылавшихся на «Казанскую историю» не обратил внимание на то, что источник называет змия двуглавым. Цитирую: «Живяше ту возгнездився змий велик и страшен о дву главу: едину имея змиеву, а другую главу волову. Единою пожираше человеки и скоты и звери, а другую главою траву ядыше»¹³.

Федот, да не тот. К тому же в источнике не сказано, что у змия были крылья. Бескрылым он был. Различие между змиями из летописи и с печати значительно. Совсем не очевидно, что змий попал на печать из повествования об основании Казани.

В «Казанской истории» есть и другой змий, не замеченный. В главе 67, называющейся «Похвала царю Шигалею и князю Семйону» храбрый Семён Иванович Микулинский описан как всадник с копьём и мечом. И ещё сказано; «И коня его мнети аки змия крылата летаючи выше знамен». От сего коня, и всадника бегут враги¹⁴. Скорее уж образ коня, аллегорически сравненного с крылатым змием, мог послужить образом для создателя казанской печати, но это не очевидно. В данном случае змий является ходячей аллегорией большой и опасной для врагов силы. Такую аллерию необязательно извлекать из конкретного источника. И в «Казанскую историю» образ змия необязательно попал из некоего другого сочинения.

Для каких же врагов был опасен змий? Не случайно высокая оценка Шигалею («в ратном деле зело прехитр и храбр») и «превеликому воеводе князю Симеону» (храбрость, «твердость ума») как воинов дана в одной и той же главе¹⁵. Там же упоминается и об их участии в походе в Ливонию в 1558 г. Этот успешный поход был совершён под командой Шигалея и М.В. Глинского¹⁶. И.Б. Греков в общем виде писал о «знаках внимания» Ивана Грозного к татарским царям, перешедшим на московскую службу, и об «использовании татарских контингентов на западном фронте»¹⁷. Источники содержат значительное количество сведений об участии татарских частей и татарской знати в военных действиях на разных участках фронта ливонской войны. Например, летопись сообщает об участии в действиях до взятию Полоцка в 1563 г.¹⁸ В разрядных книгах записано, где какими полками командовали вместе с русскими воеводами татарские цари, царевичи и мурзы (не только казанские), в т.ч. упомянутый Шигалей¹⁹. В вышедшей в 1564 г. в Антверпене книге Т. Бреденбаха описаны первые годы ливонской войны. Упоминаются там и татарские всадники, причём в описании осады одного города равнозначными участниками действий названы «московиты и татары»²⁰. Англичанин Д. Горсей, долгое время находившийся в Москве, тоже писал о том, как Иван IV «отправил свою татарскую армию» в Ливонию, а также против Польши и Швеции²¹.

Большая государственная печать была создана для скрепления внешнеполитических актов. Во всяком случае она служила для удостоверения подлинности и придания законной силы документам. Как любая печать она называла своего владельца, в данном случае - указанием его имени и полного титула. Параллельный титулу комплекс изображений и параллельные частям титула отдельные эмблемы (главным образом в виде печатей) представляют источник информации, поток которой направлен на участников договоров. Поскольку печать предназначалась для документов, один из равноценных экземпляров которых получала иностранная сторона, то информация печати была направлена прежде всего этой стороне. Информация должна была представить владельца печати (Ивана IV) иностранным государям. Уже сам титул перечислял ранги печатевладельца («царь» и др.) и подвластные ему земли. Изображения усиливали информацию надписей, обозначая основные достоинства, присущие областям, и в ряде случаев другие качества.

Большая печать готовилась как единая информационная система за немногими исключениями из вновь созданных информационных элементов (эмблем)²². Каждая эмблема выполняла часть информационной «работы». «Печать царства Казаньского» должна была показать силу татарских войск, о которой за рубежом были осведомлены. Широкая публика узнавала из книг, вроде Бреденбаховой, и из иных источников. Власти получали надлежащую служебную информацию в устном и письменном виде. Зарубежному получателю информации смысл казанской печати был понятен. Напротив, ему были бы совершенно непонятны предполагавшиеся некоторыми исследователями местные да к тому же ещё и древние факты, вроде истребления Зиланта или некоего обряда со стрелами в одной из хлыновских церквей, о котором писал Арциховский. По неизвестности таких фактов иностранцы, видя, например, казанского змия, придавали бы ему какое угодно иное значение, нежели то, которое якобы придавалось в Москве. Нужно учесть, что согласно титулу царём в царстве Казанском был Иван IV. Змий подчёркивал могущество правителя, имевшего в Казанском царстве то сильное войско, о котором сказано выше.

Для рассмотренного памятника характерно отражение актуальных состояний и достоинств областей. А какой смысл имело бы напоминание о неактуальном, 25-летней давности событии - завоевании Казани? Кстати, сосредоточившись на погубленном Зиланте, писатели о казанском гербе не заметили третьего змия из «Казанской истории», которого было бы легче истолковать как знак присоединения Казани, - «змия великого, огнена», вылетевшего из чёрного дыма и «на запад» полетевшего, представленного знаменем будущего поражения Казанского ханства²³. Правда, этот змий, хотя видимо крылат и одноглав, отличается от существа на печати огненностью. Так что и он принадлежит к семейству не тех Федотов.

Большая печать и областные печати создавались в период долгой и тяжёлой войны. Обстоятельства отразились на символическом значении части фигур. Если бы обстоятельства были иными, то весьма вероятно, что на казанской печати было бы другое изображение.

О времени создания казанской печати сведений нет. Приходится просто констатировать её существование со времени не позднее 1596 г., от которого сохранился документ ею скреплённый²⁴. Теоретически же допустимо предполагать её создание в период создания большой государственной печати, несколько раньше или несколько позже. Совсем недавно была обнаружена вторая по возрасту казанская печать - на документе 1612 г.²⁵

Змия увенчивает открытая корона. По форме она такая же, как над междуглавьем орлов в центрах обеих сторон большой печати, но отличается меньшим количеством зубцов - тремя по сравнению с пятью на общегосударственной короне. Такой же короной увенчан московский всадник и завершён астраханский волк. Корона о трёх зубцах показывает областной масштаб Казанского «царства» (а также «царства» Астраханского) и «великого княжества московского». Правда, московский знак показывает зна-

чение «великого княжества» большее, чем областное, и потому он помещён в центре печати на щитке на груди орла.

Змий не мог служить отрицательной характеристикой области и её жителей уже в силу государственной заинтересованности в представлении частей страны в положительном свете.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ханзафаров Н.Г. Казанский «Зилант»: Миф и действительность // Научный Татарстан. 1997. № 3-4. С. 24-26.

² Сулейманова Д. Герб Казани: Еще раз о Зиланте // Идель. 2000. № 11 (135). С. 55-57.

³ См. соответствующие документы в: Гербовед. 2005. № 4 (82). С. 4-13.

⁴ Georgi J.G. Bemerkungen einer Reise in Russischen Reich in den Jahren 1773 und 1774. SPb., 1775. Bd. 2. S. 813. См. перевод этого места: Заринский П. Сборник исторических и археологических исследований о Казанском крае. Казань, 1880. Ч. 1. Вып. 1. С. 9. Здесь же (с. 11) процитировано повторение мнения Георги в одном стихотворении об основании Казани, изданном в 1836 г.

⁵ Заринский П. Указ. соч. С. 15-17.

⁶ Спутник по Казани: Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книга города. Под ред. Н.П. Загоскина. Казань, 1895. С. 15, 163-164.

⁷ Арциховский А.В. Древнерусские областные гербы // Ученые записки. МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1946. Вып. 93. С. 58-60.

⁸ Stokl G. Testament und Siegel Ivans IV. Opladen, 1972. S. 58.

⁹ Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика. XVIII-XIX вв. М., 1981. С. 157-158.

¹⁰ Герб и флаг России. X-XX века. М., 1997. С. 185-186.

¹¹ Пчелов Е.В. Российский государственный герб: Композиция, стилистика и семантика в историческом контексте. М., 2005. С. 35.

¹² Ничего не хочу сказать, но на всякий случай отмечу такого же, что у Казани, змия, но без короны на печати нижегородского писца и межевщика Р.Н. Шишкина на грамоте, данной в 1561 г. Печерскому нижегородскому монастырю: Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции, составленный П. Ивановым. М., 1858. С. 8; таб. VI. 83.

¹³ Казанская история. Подгот. текста, вступ. статья и примеч. Г.Н. Моисеевой. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. С. 47.

¹⁴ Там же. С. 139.

¹⁵ Там же. С. 138-139.

¹⁶ Корольюк В.Д. Ливонская война: Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. М., 1954. С. 36. Об этих воеводах упоминает в одном из писем 1564 г. Иван Грозный: Послания Ивана Грозного. Подгот. текста Д.С. Лихачева и Я.С. Лурье, пер. и коммент. М.С. Лурье. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л. 1951. С. 48, 108 (пер.).

¹⁷ Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV-XVI вв. М., 1963. С. 323.

¹⁸ ПСРЛ. М., 1965., Т. 13., Ч. 2., С. 347-349.

¹⁹ Разрядная книга 1559-1605 гг. М., 1974. [Т. 22]. С. 11, 13-16. 19-20; Разрядная книга 1550-1636. М., 1975., Т. 1., С. 79. 109, 110, 112, 114-120 и др.

²⁰ Bredenbach T. Historia belli livonici quod magnus Moscovitarum dux, contra Livones genit. Antverpiae, 1564. P. 32 v, 45 v, 49 v.

²¹ **Горсей Д.** Записки о России. XVI-начало XVII вв. М., 1990. С. 60, 69.

²² На то, что большинство эмблем было создано в связи с большой печатью, обращала внимание Соболева. См.: Соболева Н.А. Указ. соч. С. 157; Она же. Русские печати. М., 1991. С. 213.

²³ Казанская история ... С. 92.

²⁴ Сборник снимков... Таб. VIII, 148; Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц. Изд. Комиссии печатания государственных грамот и договоров, состоящей при Московском главном архиве Министерства иностранных дел. М., 1882. Вып. 1. Л. 64.

²⁵ **Лукичев М.П., Станиславский А.Д.** Печать Казанского царства начала XVII века // История и палеография: Сб. статей. М., 1993. Сб. 2. С. 237-245.